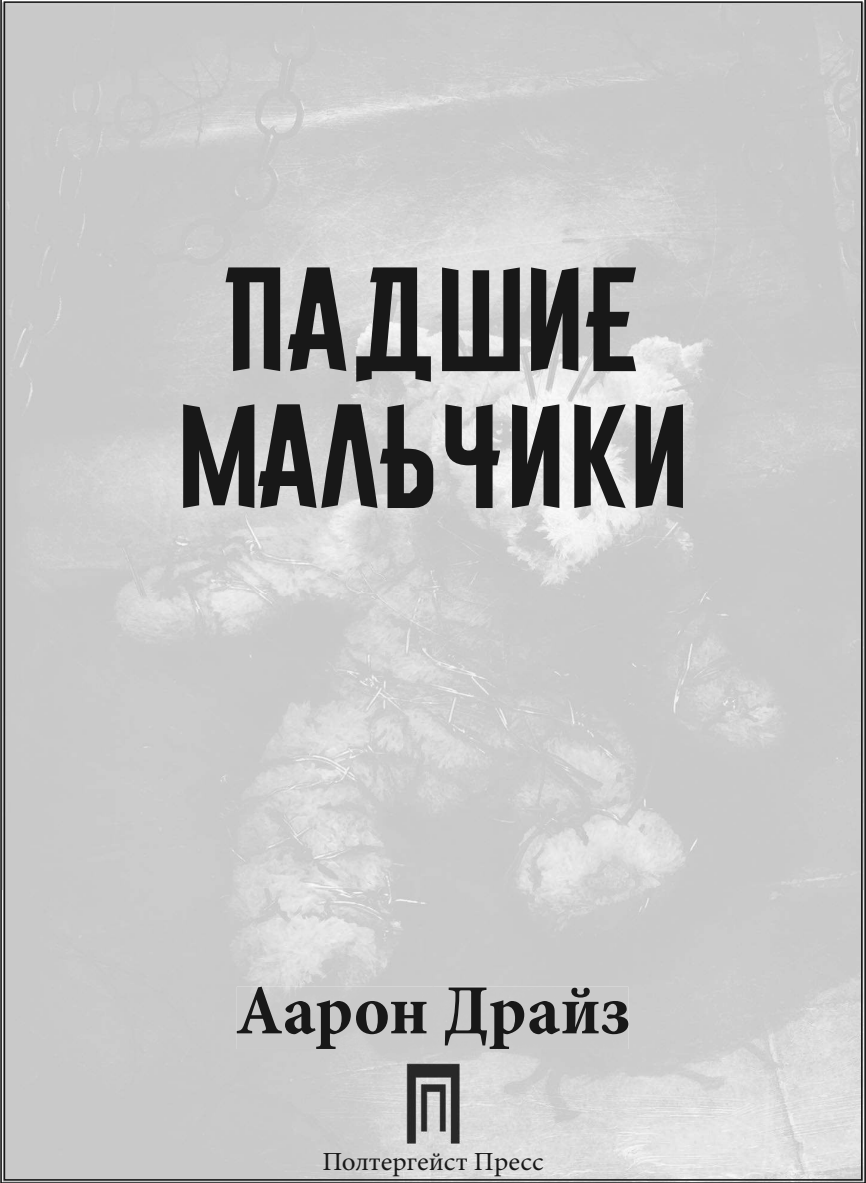

ПАДШИЕ МАЛЬЧИКИ

Аарон Драйз

Полтергейст Пресс

УДК 82-3
ББК 84(7Coe)6-4

Полтергейст Пресс

ААРОН ДРАЙЗ

Падшие мальчики /Аарон Драйз — Полтергейст Пресс, 2020. — 358 с.
ISBN: 978-5-521-76445-7

Двое мужчин в театральных масках проводят кровавый ритуал Прощения, в то время как на другом конце света счастливая женатая пара лишается самого дорогого — единственного сына.

Спустя четыре года после разрушившей их брак трагедии Маршалл и Клэр тщательно пытаются обустроить жизнь, пока чувство вины и одиночество преследуют их по пятам. Неожиданная находка приближает Маршалла к правде об обстоятельствах, что послужили причиной смерти его маленького сына, и отчаявшийся отец готовится к мести, не подозревая, что самое страшное ждет его впереди.

Первое Издание

Публикуется по договоренности с автором

© Полтергейст Пресс, 2020

© Aaron Dries, 2012

© Т8 Издательские технологии, печать 2020

ISBN: 978-5-521-76445-7

Эта книга посвящается Энн, Уорвику, Бренту и Кайлу Драйз —
моей семье. Спасибо, что вы не похожи на моих героев.
Я также хочу поблагодарить за усилия и поддержку Дзян Вун,
Николь Фишер, Джоди Макдональд, Адама Чезаре, Скотта
Коула, Патрика Лэйси, Пола Гоблирша и Дона Д'Ауриа.
Вы легенды.

*В этом месте лишь беды,
Неудачи и рок,
Здесь тоска и болезнь
Ждут за каждым углом,
Старых улиц изгиб
Не узнает никто —
Мир безумных бродяг,
Что презрели закон.
Как же больно, поверьте,
Как страшно признать,
Время стерло мой Эндсвилль —
В самом сердце США.*

*Пусть шар-баба¹ танцует со мной,
Этот город мне больше не дом,
Нет, мой город мне больше не дом.*

Дом Кинг Кам. «Эндсвилль»

¹Чугунный шар для сноса зданий.

ПРОЛОГ

ВЕЧЕР В ШТАТЕ ВАШИНГТОН

28 июля 2007 г.

Освещенный луной дом белел во тьме. Не было ни стрекота сверчков, ни птичьих трелей — лишь зимняя тишина и шелест деревьев вокруг. Стэйси Норман спала, не подозревая о своей роли в Прощении. Она была выбрана потому, что выглядела невинной, и будет страдать за совершенный ею смертный грех доброты. Убийца возник на пороге дома двумя месяцами ранее и спросил, живут ли здесь еще Бенсоны. Стэйси улыбнулась и сказала высокому мужчине с низким голосом: «Нет».

— Не очень-то я вам помогла, да? Удачи.

Закрывая дверь, она заметила на его лице тень улыбки.

Это был первый из трех его визитов. Во время второго он искал лестницы, места, где можно спрятаться, и определял точки обзора, чтобы третий визит прошел легко и гладко.

Сквозняк, проникший в дом через открытое окно, едва ли был связан с прибытием ночных гостей. Убийцы воспользовались запасным ключом, спрятанным под ковриком. Они узнали о нем, благодаря второму визиту.

Стэйси будет страдать из-за доброты, но умрет из-за доверчивости.

Раздался легкий перезвон подвешенных над кухонной плитой ковшиков.

Это был маленький съемный дом на окраине Престона, со стенами из красного кирпича и крышей, планки которой дрожали, когда налетал ветер. Дорога до места работы — в архитектурной фирме Сиэтла — была долгой, но оно того стоило. В Престоне Стэйси нашла уединение и тишину, и этого было более чем достаточно, чтобы она чувствовала себя уютно.

Когда-то Стэйси боялась жить одна, но не теперь. С каждым годом жизнь в уединении нравилась ей все больше: одиночество почти не беспокоило. Она не владела маленьким домиком из кирпича, но не тревожилась по этому поводу. Съемное жилье учит терпению, мотивирует работать усерднее. Однажды она поселится в доме, который спроектирует и купит сама, и будет им гордиться. Он тоже примостится среди деревьев на окраине города, в коконе тишины, — все так, как ей нравится.

В гостиной тикали часы. Фотографии родных, оставшихся в Мэне, висели на своих местах — лица в плену тонких стекол. Потрепанная книжка «Даже девушки-ковбои иногда грустят» покоилась на подлокотнике кресла. До финала осталось пятьдесят страниц. На столе в кабинете лежал дневник, заложенный орлиным пером. Его подарил Стэйси отец, незадолго до того, как она отправилась на учебу в Сизтл шесть лет назад.

«Дэнни остался у меня прошлой ночью, — начиналась одна из записей. — Сначала я не хотела, но поддалась. Не ему, себе. Знаю, звучит глупо. Я просто жаждала его. Не могу подобрать другого слова. Я не оправдываюсь: все прошло замечательно, хотя он был грубее, чем мне хотелось бы. Утром сделал кофе. Думаю, я начинаю в него влюбляться. Не знаю, нужно ли мне это сейчас».

Стэйси Норман, хорошенькая девушка-архитектор, мысленно гулявшая по чужим домам, больше не боявшаяся темноты. Стэйси, которая понимала, что времени мало, но жизнь длинна, что любовь хороша, а страсть опасна. Стэйси Норман спала, зная, что завтра жизнь будет такой же суровой и одинокой. Но она могла с ней справиться.

Двое мужчин ждали у нее под кроватью.

Они знали, когда Стэйси вернется с работы, знали, когда спрятаться.

Едва дыхание девушки замедлилось и она уснула, они выбрались из укрытия, выдавая себя лишь тихим сопением. Сердца мужчин колотились от предвкушения и — немного — от страха. Стэйси станет их первой жертвой.

Они не оставили никаких улик: ни отпечатков пальцев, ни волос на полу. Только глубокие, медленно исчезающие следы на ковре. Пришлось быть очень, очень осторожными.

От них исходил запах застарелого пота. Обоим хотелось в туалет. Их дыхание нарушало покой темноты.

ПАДШИЕ МАЛЬЧИКИ

Мужчина, который постучал в дверь Стэйси и спросил о Бенсонах, был худым — жилистым, но сильным. Его товарищ, напротив, невысоким и квадратным, настолько толстым, что залезть под кровать ему было невероятно трудно, но в конце концов ему все же удалось это сделать. Высокий распрямился — развернулся, как гигантская сороконожка, — неправдоподобно огромный под низким потолком, шагнул вперед, медленно и осторожно, и поморщился, когда хрустнула его коленная чашечка. Тишина разлетелась вдребезги.

Если они и были правы, думая, что контролируют ситуацию, все изменилось в одно мгновение.

Стэйси открыла глаза и резко села в кровати. Матрас под ней скрипнул.

Она не боялась. Старый дом стонал по ночам, деревья царапали водосточную трубу. Когда Стэйси только въехала, посторонние звуки заставляли ее бегать по комнатам с видавшей виды сковородой в одной руке и мобильником в другой: она искала эфемерных грабителей. По правде говоря, в Мэне хватало деревьев, старых кирпичных домов и преступников, но то был город. Однако родители Стэйси — с вязким новоанглийским акцентом — все равно рассказывали ей страшные истории о людях, вламывающихся в чужие дома, и процветающей в пригороде наркоторговле. Поэтому, когда она слышала шорохи по ночам, вместе с ними в ее голове оживали голоса отца и матери.

— Стэйс, запирай дом как следует. Крепче, чем киску.

— Боже, папа!

Они смеялись.

— Да, и всегда спрашивай, кто там, прежде чем открыть.

— Ладно, мам.

— Может, нам стоит подарить тебе на Рождество ружье?

— Превосходно. Отличная идея. Но, думаю, обойдусь обычными носками из «Сирс» и подарочной картой «Амазона».

Когда Стэйси привыкла к шорохам своего нового жилища, то решила не покупать ружье и оставлять запасной ключ под ковриком у двери. Она не хотела жить в страхе. Пошел этот страх куда подальше.

Стэйси Норман умерет из-за собственной гордыни.

Она увидела перед собой два белых лица, выступивших из мрака. Одно улыбалось, другое казалось грустным. В короткий миг между тем, как она увидела их, и тем, как иголка кольнула ее в шею, промелькнуло осознание. Античные театральные маски.

Комедия и трагедия.

Прошло пять дней.

В Норт-Бенде, близ округа Снокуолми, на севере штата Вашингтон, один из двух мужчин, тот, что пониже, вышел из дома и упал на колени. Он впился пальцами в траву и царапал почву, пока воздух не наполнился густым запахом земли. Всю жизнь мужчина работал в поле или ухаживал за животными. Запах земли напоминал ему о доме.

Он задыхался, глаза покраснели от слез.

Деревья шелестели на ветру, верхушками царапая серое брюхо неба. Утро было мрачным, как и положено в этой части света.

На мужчине был окровавленный фартук, щеки перемазаны грязью.

Несколько минут спустя у него за спиной хлопнула задняя дверь. Медленные, легкие шаги приближались. Раздалось пение, тихое и фальшивое.

— Бродяжку подвез, что как пчелка мила, осталась со мной, хоть весь мир обошла...

Шаги остановились, и на плечо невысокого мужчины опустилась ладонь. Гладкая, не из тех, что встречаются у фермеров да лесорубов: она занималась *другими*, более сложными вещами. Однако в это мрачное утро на руках мужчин оказались мозоли, оставленные совместным делом. На протяжении пяти дней они работали над девушкой.

— ...в двух старых сумках много вещей, прочь — мимо потрясенных людей...

Солнце пряталось за тучами, поэтому высокий мужчина не отбрасывал тени, но его друг, все еще на коленях, почувствовал ее. Они стояли так несколько минут, напевая, прислушиваясь к новому утру, наступающему не для всех. Пошел дождь.

— ...по дороге пустой мчим с ней вдвоем — с той, что мир обошла, чтоб увидеть мой дом...